

Как меняется русский язык в эпоху фейков и информационной войны

Легко ли быть журналистом, когда «постправда» завоевывает мир, а в медиа верховодит «культура отмены»?

Об этом наш разговор с деканом факультета журналистики МГИМО **Ярославом Скворцовым.**

Ярослав Львович, зачем нужен правильный, красивый русский язык, если больше всего сегодня читают новости, сгенерированные ботами?

Ярослав Скворцов: Читатель у нас по образованию разный. Кто-то предпочитает академический гипермаркет, а кто-то академические бутики. К тому же в разных жизненных ситуациях хочется булочки от Филиппова или простого хлеба из ларька. Но важна не только культура спроса, но и культура предложения.

Поэтому я убежден, что запрос на грамотный и красивый русский язык обязательно сохранится. В том числе и в подаче новостей.

Вытеснит ли блогер профессионального репортера, спросила вас «РГ» ровно 10 лет назад. Вы тогда с уверенностью ответили: нет...

Ярослав Скворцов: Речь идет не о вытеснении, а о взаимном дополнении. Закончив заметку или сюжет, многие из наших коллег пишут в свой блог. Что меняется в этот момент в журналисте? Степень ответственности за сказанное. В одном случае я командный игрок, и то, что пишу, говорю или снимаю – это

ответственность редакции. А в соцсети я сам себе редактор, корректор, прюфридер, продюсер. Я за все буду отвечать, но зато там меньше ограничений. Впрочем, в культуре подачи новости, в культуре использования языка мы сами себе эти ограничения ставим. У человека малокультурного их минимум.

Разница, наверное, еще и в аудитории? В ее масштабах?

Ярослав Скворцов: Когда речь заходит о миллионах фолловеров, мне вспоминается карикатура из какого-то западного издания: у могилы стоят два человека с жалкими гвоздиками. И один другому говорит: «Странно, в «Фейсбуке» (соцсеть принадлежит компании Meta, запрещенной в РФ за экстремизм – прим. «РГ») у него было пять тысяч друзей». Ну а серьезно, если аудитория блогера не однодневная, если он ей не надоел после первого удачного поста или фото, честь ему и хвала. Но как говорят опытные журналисты: «Не так важно сделать первый номер, как второй». Удержать высокую планку – вот это задача и профессионализм. Реальной конкуренции между блогерами и журналистами не существует. Она выдумана первыми, чтобы считать себя членами элитного журналистского клуба.

На одном из тренингов ВВС молодых журналистов предупреждали: «Если ваша мама сообщила вам по интернету, что она вас любит, лучше перезвоните и перепроверьте эту информацию». Сейчас ситуация, когда реальности в информационном пространстве становится все меньше. Пресловутые фейки губят профессию? Наверное, нужны какие-то специальные навыки в подготовке студентов?

Ярослав Скворцов: Несомненно, потому что многие не справляются с новыми вызовами. С недавних пор в речи социологов и политологов укоренился термин «постправда». Его правильный перевод – «вместо правды». Все происходит стремительно, поэтому докапываться до сути нет времени, главное, быстрее всех выстрелить новостью. Потом кто-то проверит изложенную фактуру и скажет: «Позвольте, но все не так!» – но разве это

важно, когда событие прозвучало и ушло.

Так же стремительно меняется и русский язык, вернее, он обогащается новыми словами, выражениями.

Например, «культура отмены».

Ярослав Скворцов: На днях в МГИМО выступал наш выпускник, глава МИДа Сергей Лавров. Его этот термин тоже интересует.

«Культура отмены» по-английски cancel culture. Это своеобразная форма современного остракизма. Когда ты пытаешься кому-то объяснить очередность и причинно-следственную связь событий, а тебе в ответ: «Это все неважно, вы ссылаетесь на события восьмилетней давности, мы их отсекаем, нас интересует то, что здесь и сейчас». Ты говоришь: «Позвольте, давайте посмотрим на ситуацию шире!»

А оппонент: «Старик, забей! Не об этом речь. Кэнсл!» К сожалению, «культура отмены» стала распространенным приемом и в медиа.

Студенты – это всегда сленг. Что сегодня с ним происходит?

Ярослав Скворцов: Сто с лишним лет назад, гуляя, скажем, по Невскому проспекту в Санкт-Петербурге и зайдя в какой-нибудь кабак, можно было легко по речи понять, что рядом с тобой – студенты. Из местного университета, из Казанского или Московского. Сейчас студенческий жаргон стал менее универсальным. Вряд ли человек, который не учился в МГУ, поймет, что такое «большой сачок» (место, где прогуливают пары студенты гуманитарного корпуса. – Прим. ред.). Сленг становится более специальным. Вот мы с вами сегодня встречались «на центре», или «на флагах» – это главный вход, напротив которого развеваются флаги России, Москвы, вуза...

Недавно в Суздале прошла конференция «Правильно ли мы говорим по-русски? Динамика языковых норм», которая была посвящена памяти Льва Скворцова, известного филолога, последователя Сергея Ожегова.

Ваш отец считал, словари живут всего 60-70 лет...То есть язык

наших родителей наши внуки не поймут?

Ярослав Скворцов: Он считал, что словари как носители современного языка, как инструмент фиксации нормы живут 60-70 лет в том случае, если они дорабатываются и обновляются. Ну вот, скажем, фраза «Мой сын склеил в клубе модельку» 60 лет назад означала, что ребенок посещает кружок авиамоделлистов, а сейчас звучит несколько фривольно. А за фразу «Я буду в лесу, позвони мне», в 70-е забрали бы в сумасшедший дом. Лев Иванович был многолетним редактором новых изданий словаря Ожегова. Он читал весь корпус словаря и вносил туда необходимые изменения. Работал над «Ожеговым – XXI век». Правда, успел только до буквы «М».

Без правок язык словаря становится, по выражению Набокова, засахарившимся вареньем: вроде бы он правильный, но в нем появляются какие-то кристаллики, которые свежему продукту не свойственны. Отец говорил о динамической норме. Язык, безусловно, живая субстанция. Он меняется. Словари эту самую норму в динамике фиксируют. Чтобы, к примеру, обсуждая в журналистском коллективе вопрос, зачем писать «дорожная карта», когда есть старый добрый «план действий», можно было заглянуть в справочник и сказать, допустимо или нет такое употребление. Или другой пример. Вы заметили, что из словаря политиков исчезло некорректное выражение «многополярный мир»? Понятно, что полюсов может быть не больше двух. Правильно говорить «полицентричный мир».

Любая стрессовая ситуация приводит к тому, что язык выбрасывает в несколько раз больше неологизмов, чем в спокойное время. «Ковидный словарь» – тому подтверждение. Недавно я слышала, как школьники употребляли такие новые выражения, как «Точка-У» и ПВР. Лев Скворцов называл это «языковой смутой».

Ярослав Скворцов: Да, войны, теракты, ударные комсомольские стройки и прочие потрясения, которые ведут к перемешиванию людей, обязательно отражаются в языке. После октября 1993 г. в лексику вошло слово «баррикада». Причем иногда в очень неожиданном контексте. Туда не ходи, там баррикада. То есть

некое непреодолимое препятствие. Кстати, язык часто играет с нами злую шутку. Скажем, мы используем слово «дедлайн» или «крайний срок сдачи материала», не задумываясь о его происхождении. Почему «смертная линия»?

Потому что так называли фортификационное сооружение, по которому пропущен ток. Если попробовать его преодолеть, можно не вернуться живым.

Елена Новоселова